

После того, как Хэ Чанхуай получил известие о том, что завтра он собирается в Торговую палату, он специально отправился в ателье, чтобы подшить еще два костюма.

Сшитую на заказ одежду сейчас взять было нельзя, поэтому он купил другую готовую одежду, подходящую ему по размеру. В тот день он пришел в Торгово-промышленную палату в хорошем настроении, элегантно и стильно.

К тому времени, как он прибыл, остальные люди почти все были там. Это был Цзян Чжэньжун, сидевший на главном сиденье. Даже если Хэ Чанхуай был сильным драконом, в Цзинчэне все еще была трудная наземная змея.

На лице Хэ Чанхуая появилась улыбка, и он сразу увидел Е Суаня, сидящего рядом с Цзян Чжэньжуном. Он поднял бровь и подошел. Угол его пальто был распахнут ветром, и в костюме, жилете и галстук он выглядел действительно хорошо воспитанным молодым человеком.

«Босс Е», — сначала Хэ Чанхуай поприветствовал Е Суаня, затем выдвинул стул рядом с ним и положил свои длинные руки на спинку стула позади Е Суаня, — «Почему ты сегодня все еще так просто одет?»

Е Суань, который был одет в толстое голубое пальто с завязывающимися пуговицами, слегка улыбнулся: «Естественно, я не такой модный, как мистер Хэ».

Хэ Чанхуай действительно был модным молодым человеком, но Су Ань должен был быть на шесть или семь лет старше его. Из-за трехлетней разницы поколений Су Ань чувствовал, что он и Хэ Чанхуай были людьми двух миров.

«Спасибо боссу Е за похвалу». Хэ Чанхуай улыбнулся, затем встал и огляделся. Затем он взял красную бумагу, отложенную для китайского Нового года, снял перчатки и просто сложил ее несколько раз. Красная бумага превратилась в простую розу.

На его пальцах можно увидеть толстые мозоли с выступающими суставами и мощными и четко выраженными корнями. Он повернул ветку цветка в руке и отправил ее Е Суаню: «Босс Е, прикрепите ее к пуговицам и посмотрите?»

Е Суань посмотрел на цветок, и половина его фарфорово-белого лица была гладкой и белоснежной: «Второй мастер, что это за цветок?»

Хэ Чанхуай сдавленно рассмеялся: «Я не верю, что босс Е даже не знает розу».

Су Ань тоже последовал за ним со смехом, он протянул руку, чтобы взять его, затем склонил голову и сказал: «Хотя Второй Мастер не встречал меня много раз, ты дважды посылаешь мне цветы. Не то чтобы я не знал роз, просто я слышал, что на Западе этот цветок имеет романтическое значение».

«Действительно, — Хэ Чанхуай взглянул на него с восхищением и не скупился на похвалы, — мое мастерство не очень хорошее, но босс Е выглядит с ней хорошо».

Ли Лянь молча слушал в сторонке и содрогнулся в сердце.

Он только что ясно увидел безжалостное истинное лицо Хэ Чанхуая, но теперь он был немного в ужасе, увидев, насколько нежно и хорошо себя вел Хэ Чанхуай по отношению к боссу Е.

Цзян Чжэнжун постучал по столу и равнодушно сказал: «Второй мастер Хэ, раз уж вы здесь, не пора ли начинать?»

Хэ Чанхуай просто посмотрел на него и жестом показал: «Пожалуйста, президент Цзян».

Это обсуждение продолжалось до темноты, и когда встреча закончилась, руководители Торговой палаты Цзинчэн выглядели не очень хорошо. Хэ Чанхуай выглядел так, будто мог говорить с улыбкой, но на самом деле, если бы он попросил одно очко, ему вернули бы два очка. Ничего хорошего из этого не вышло, он упал на нос пепла*.

*面面面面 - /Luòle yī bízǐ de huī/ Это означает попытку угодить и в итоге получить плохой результат.

И Е Суань твердо сидел между Хэ Чанхуаем и Цзян Чжэнжуном, и они оба действительно могли вызвать гнев людей.

Теперь все злились на Хэ Чанхуая, в сочетании с предыдущим инцидентом, когда Хэ Чанхуай потратил деньги на здание Ишуй, раздалось холодное фырканье: «Я слышал, что в театре босса Е умер актер, значит, Ишуй не везло в эти дни».

«У босса Е даже нет певца, не так ли?»

«Я слышал, что люди, которые в эти дни ходили в театр, выбегали на сцену и несколько раз размахивали кулаками».

- Чепуха! Принимая такие вещи всерьез, у вас еще есть совесть?! "

Мастер Ли спокойно сидел в стороне, наблюдая, как его коллеги осаждают Е Суаня, Цзян Чжэнжун

слегка нахмурился, но, подумав об этом, снова приподнял брови и сразу же, сам того не ведая, стал зрителем.

Это тоже было хорошо, он всегда должен был сообщать Е Суаню о беспомощности перед

нападением врага, чтобы осознавать свою важность.

Су Ань хотел, чтобы эти люди ругали его более сурово. Со спокойным лицом он давал этим людям говорить, осанка его была прямой, наоборот, эти начальники стали посмешищем, показав свои некрасивые лица.

Некоторые люди становились все более и более чрезмерными и смеялись в зале: «Наш босс Е изначально был оперным певцом. Чего бояться в саду*? Как только босс Е выйдет на сцену, разве вы не сможете получить аплодисменты всех присутствующих?»

*园子 - /yuánzi/

«Сад», некоторые использовали это слово для обозначения театра.

«Босс Е уже давно не поет. Почему бы вам не спеть немного и позволить нескольким нашим братьям расширить наш кругозор?»

Мастер Ли, похоже, решил, что этого достаточно, и подмигнул своим коллегам.

Су Ань чувствовал себя очень счастливым в своем сердце, подумал он, ая, это насмешка над ним или комплимент? Конечно, он знал, что умеет хорошо петь.

«Приходите, босс Е, вы хотите переодеться в костюм?»

Хэ Чанхуай не мог не посмотреть на Су Аня, но заметил, что босс Е, похоже, все осознал. Он поднял глаза, и его глаза водного феникса скользнули по нему.

«Я вижу, что боссы тоже хотят выйти на сцену и спеть песню», — сказал Хэ Чанхуай, — «Однако внешний вид некоторых боссов слишком неаппетитный. Боюсь, что даже если вы не выйдете на сцену, вы сможете расшевелить людей, выблевав их ночную еду».

По пути в Торговую палату Хэ Чанхуай не сказал ни одного лишнего слова. Теперь, когда эта фраза прозвучала, лица тех немногих людей, которые только что говорили плохо, побледнели, и они были настолько злы, что не осмелились ничего сказать.

Прямым шлепком по столу они развернулись и пошли прочь.

Су Ань мягко поблагодарил Хэ Чанхуая: «Спасибо, Второй Мастер Хэ».

«То, что они говорят, это слишком», — Хэ Чанхуай покачал головой, — «За что ты меня благодаришь, босс Е? Должен быть. Но мои слова не поверхностны. У босса Е хорошая фигура и хороший голос. Это то, чем Бог наградил тебя за еду*. Они не могут завидовать».

*□□□□□□□□□□ - /Zhè shì lǎotiānyé zhuīzhe shàng fàn chī Таланты падают с неба, их называют одаренными (талантливыми), и они врожденные. Его необыкновенный талант не может быть имитирован другими, независимо от того, сколько практики или стремления.

Е Суань был удивлен: «Второй мастер даже не слышал, как я пою, так откуда ты можешь знать, что у меня хорошая фигура и хороший голос?»

Второй Мастер. Пара острых глаз Хэ оглядела Су Аня, как будто он снял одежду и измерил его размер, а затем уголок его губ легкомысленно приподнялся: «Я могу сказать».

«Су Ань», — сказал Цзян Чжэнжун холодным голосом, вставая, — «Нам пора идти».

Он нахмурился, и лицо его было не очень хорошим. Су Ань беспомощно улыбнулся: «Хорошо, посмотри, как ты нахмурился, я вернусь с тобой».

После того, как они вдвоем ушли, улыбка Хэ Чанхуая не изменилась, и спустя долгое время он надел шляпу и вышел за ними. Ли Лянь не выдержал и спросил: «Второй мастер, ты не сердись?»

Хэ Чанхуай с любопытством спросил: «На что я сержусь?»

«Ты явно высказался за босса Е, который сказал спасибо только устно», — подумал Ли Лянь, — «Я думал, он пригласит тебя на ужин». Глядя на это с этой точки зрения, босс Е, похоже, тоже не очень близок к Хэ Чанхуаю».

«Нет никакой спешки», — Хэ Чанхуай улыбнулся и многозначительно сказал: «Я за всем этим слежу».

На обратном пути карета раскачивалась взад и вперед. Цзян Чжэнжун отправил Су Аня к воротам внутреннего двора и вручил ему деревянную коробку: «Знаменитая еда в других местах, ты можешь вернуться и попробовать ее».

Вернувшись, Чан Шу пошел на кухню с деревянным ящиком, а Су Ань с усталым лицом повел Юй Цюна в комнату. На полпути Юй Цюн внезапно с большим трудом произнес «Ах, ах»: «Ах... Мастер, Мастер».

Су Ань сделал паузу и удивился: «Юй Цюн, ты только что говорил?»

Голос Юй Цюна был хриплым, и он изо всех сил пытался выплюнуть слова, обливаясь потом: «Я... я выйду на сцену... буду петь, давать, давать тебе... зарабатывать деньги».

Всего восемь слов и он говорил четыре или пять минут.

Су Ань терпеливо выслушал и удивленно похлопал его по голове: «Юй Цюн может говорить».

Глаза Юй Цюна были горячими, и эта нежность почти довела его до слез. Он быстро кивнул, затем посмотрел на пол и чуть не заплакал.

Как Су Ань мог не видеть его внешний вид? Он протянул ему носовой платок, а затем сказал с улыбкой: «Означает ли Юй Цюн, что ты хочешь научиться хорошо петь, чтобы заработать мне денег?»

Юй Цюн серьезно кивнул.

Су Ань некоторое время смотрел на него, затем опустил глаза и прошептал: «Хороший мальчик».

Юй Цюн сказал с большим усилием: «Мое... горло... будет... в порядке».

Су Ань догадался, что Юй Цюн что-то испытал, и это сделало его тупым. Однако если он еще сможет высказаться, то вероятность исцеления все еще высока.

«Эн, — Су Ань, — я тебя вылечу».

Юй Цюн был ошеломлен, и его слезы продолжали литься, не останавливаясь.

Су Ань похлопал его: «Давай, я отведу тебя к врачу как можно скорее и поговорю о твоём голосе».

Юй Цюн кивнул, затем развернулся и в мгновение ока убежал. Он не вернулся в свою комнату, а побежал прямо на кухню, чтобы найти Чан Ши.

Чан Ши обрабатывал ингредиенты в деревянном ящике — вяленую рыбу. Рыба покрылась слоем причудливого красного цвета. Юй Цюн уставился на рыбу, глаза рыбы были белыми, с маленькой черной точкой.

Чан Ши повернулся, чтобы наточить нож, и звук трения пронзил уши. Затем Юй Цюн поднял руку, внезапно схватил рыбу и повернулся, чтобы бежать.

«Юй Цюн!» Чан Ши взревел от шока.

Две тонкие ноги Юй Цюна быстро двигались, он побежал к соломенной хижине* и бросил красную рыбу внутрь. Красная рыба в мгновение ока попала в канализацию.

*茅房 - /máo fáng/ туалет (сельский эвфемизм) / соломенная хижина или дом

Чан Ши был на шаг медленнее и сердито смотрел на Юй Цюна.

Юй Цюн говорил с трудом: «Нет, я не могу... ах, есть».

Чан Ши с уродливым лицом потянул рукав и ушел: «Неважно, сможешь ты это съесть или нет, но сначала тебе нужно пойти к мастеру и извиниться».

Юй Цюн отступил. Глядя на соломенную избу, он улыбнулся, и на его прекрасном лице появилась довольная улыбка.

Су Ань не наказал Юй Цюна. На следующий день, когда резиденция Цзян послала кого-то спросить, как еда, он только сказал, что жаль, что повар не смог ее приготовить, и хорошая рыба была потрачена зря.

Цзян Чжэнжун сжал кресло-качалку и закрыл глаза: «Он не ел это?»

«Он не ел, — ответил мужчина, — он сказал, что повар не умеет это готовить и приготовил что-то плохое».

Цзян Чжэнжун вздохнул: «Жаль».

«Да, — не мог не возмутиться ответивший мужчина, — эту рыбу привезли с юга. Благодаря зиме это заняло так много времени. Всего мы привезли пять, а эта была потрачена впустую».

Цзян Чжэнжун некоторое время молчал.

Здание Ишуй.

Старый Сюй, доставивший рис и зерно, болтал с Су Анем. Когда Чан Ши вручил ему деньги, старик Сюй быстро вытер руку об одежду, чтобы получить деньги, а затем внезапно понизил голос и спросил: «Босс Е, я слышал, что у вас был актер, который прыгнул в колодец два дня назад?»

Су Ань посмотрел на его морщинистое лицо: «Это действительно произошло».

Старый Сюй огляделся и понизил голос: «Босс Е, вы молодец, поэтому я осмелюсь сказать вам слово, хотите верьте, хотите нет. Человек, который прыгнул в колодец, чтобы умереть, ах, незадача! Все обиды остаются на дне колодца. Если это проигнорировать, возникнут большие проблемы».

Веки Су Аня подпрыгнули: «Что может пойти не так?»

«Эта обиженная душа побежит требовать жизни!»

Кто-то рядом с ним прошептал: «Не наше дело, если он требует жизни. Человека, который заставил его умереть, здесь нет».

«Это нехорошо», — загадочно прошептал Старый Сюй, прижимая ко рту руку с иссохшей корой. — Босс Е, почему бы вам тайно не найти даосского священника? Если вы не можете купить два желтых талисмана, чтобы прикрепить их к этому колодцу, то лучше найти какую-нибудь деревянную и каменную доску, придавленную им!»

Су Ань: «Старый Сюй, вы выглядите очень нервным».

Старый Сюй вытер пот: «Босс Е, если вы недовольны тем, что я сказал, то первые несколько раз я ходил доставлять рис и зерно в резиденцию президента Цзяна, потому что там было много вещей, раньше часто было темно. Я закончил доставку. Однажды я только закончил собирать деньги у бухгалтера и, возвращаясь назад, услышал крик, доносившийся со двора!»

Чан Ши отступил назад и спрятался за креслом босса.

«Звук плача был настолько ужасающим, что я не могу сказать, мужчина это или женщина», — Старый Сюй потер руки, — «Честно говоря, я чуть не обмочился в штаны! Но когда я увидел счетовода, шедшего со мной, его лицо даже не изменилось, как будто он этого не слышал. Думаете, это странно?»

Автору есть что сказать:

Су Ань: Давайте есть семена дыни, слушая истории. Странно? Продолжайте, продолжайте.

<http://bllate.org/book/15646/1398813>